

ЕЛКА

Уже поваленная в сугроб, она еще продолжала жить и слышала, как тот, который был без топора, похлопав рукавицами, сказал:

- Эх, хороша!.. Как раз для начальника!..

Потом ее везли. Не в кузове грузовика, какие попадались на каждом шагу. Нет, она катила на легковой. И, поскольку высывалась из-под задранной крышки багажника на добрые полтора метра, на самую ее макушку прицепили, как положено, красный лоскут. Ей это нравилось, потому что такого флажка ни у кого вокруг не было. И даже из-за стекол встречной желто-синей машины ей улыбнулись люди в фуражках и ласково (руки к козырькам) проводили темный лакированный автомобиль

с пышным зеленым хвостом, на конце которого маячило кумачевое пятнышко. •

Показались каменные дома. Въехали в город. Миновали квартал, завернули в другой и стали у белого кирпичного здания.

И тут вышедшие из машины поспорили. Не так, чтобы шибко, но поспорили.

- А он ведь и не здесь, вроде, живет...

- Эх, ты! Новую квартиру получил. А мы ему - небольшой сюрприз на новоселье... Соображать надо!..

- И ее понесли на третий этаж. Понесли ногой вперед. Вершинку волочили по ступенькам. Она чертила по цементной пыли замысловатые зигзаги. Привязанный к маковке лоскуток съежился, сваялся, посерел. Это ее огорчило. К тому же дверь на нужном этаже оказалась запертой. Прислоненная к дверному косяку, привезенная гостя совсем, было, разволновалась. Но, уходя, один из людей сказал:

- Придет хозяин - то-то обрадуется!

И слова эти прозвучали так обнадеживающе, так успокоительно, что она решила набраться терпения и ждать.

Ждать пришлось долго. Смеркалось. В полутьме старичок, идя мимо, запнулся за ее ногу и чертыхнулся. Мальчишка-шалопай, пробегая, щипнул за

колючую лапку. Потом по всей лестнице вспыхнул свет. “Наверное, идет хозяин!” - подумалось елке.

Но то шли гости в соседнюю квартиру. В приоткрытые двери она увидела что-то близкое, знакомое, родное, проглядывающее сквозь мишуру блесток, шариков и витых лент. “Как красиво!” - прошелестела она и почему-то заплакала. Она плакала, прислушиваясь к веселым голосам за дверью напротив, плакала всю ночь так, что по лестничной площадке растеклась лужица.

Утром пришла женщина с тряпкой, вытерла лужу, сочувственно вздохнула. Прошло сверху вниз несколько человек. Поглядывали, покачивали головами. И ее вдруг охватила непереносимая тоска. Схватилось, сжалось у нее что-то в самой сердцевине. И она стала сохнуть.

...Дня через три подъезд огласился громкими голосами и топотом ног. Вверх тащили мебель. Впереди шел с ключами в руке грузный мужчина, которого все слушались и, видать, побаивались. На третьем этаже он вскинул глаза и замер от неожиданности.

- Вот те на! Елка! - сказал он то ли с удивлением, то ли с досадой.

Через минуту ее уже тащили вниз. Тащили, торопясь и ворча, ломая о перила ветки, осыпая иголки, обрывая шишки. И она, растрепанная, обескураженная, отразилась в проплывавшем мимо, наверх, полированном шкафе с зеркалом. На улице ее воткнули торчком в сует.

Когда все ушли, из подъезда вышел грузный мужчина, которого все слушались и, видать, побаивались. Он постоял возле елки, кашлянул в кулак и сказал тихо, как бы сам себе:

- Какое дерево погубили...

Но этого она уже не слышала. Она была мертва.

